

УДК 347.6:821.161.1+9291Пушкин

СЕМЬЯ В ПРОЗЕ А. С. ПУШКИНА: НА ЧЬЕЙ СТОРОНЕ ПРАВО

В. А. Жаров

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

Проза А. С. Пушкина рассматривается в правоведческом ракурсе: даётся характеристика взглядов русского классика на проблемы права, анализируется отражение в пушкинских произведениях правовых реалий первой трети XIX в.

Ключевые слова: *русская литература, сюжет, институт брака и семьи, право, А. С. Пушкин*

Связь, общность между литературоведением или, если брать шире, литературой и правом кажется на первый взгляд весьма натянутой и искусственной. При отказе от первого впечатления и попытке скрупулёзного сопоставления эти два явления, присущие цивилизации достаточно высокой степени развития, – то, что и право, и литература не могут возникнуть вне цивилизованного социума, надеюсь, не будет являться предметом обсуждения, – обнаруживают глубокую взаимосвязь.

Представляется аксиомой то положение, что и литература, и право являются собой продукт общественного развития человека; иными словами, они не могли возникнуть при абсолютной индивидуализации, безусловном выходе homo sapiens за рамки любого социума. При абсолютной исходной индивидуализации не отмечено появления ни права, ни литературы. И литература, и право являются отражением степени развития общества и являются собой отражение фактического положения вещей.

Можно спорить до бесконечности о том, что появилось раньше, находя весомые аргументы в пользу обоих мнений. Но трудно оспорить положение, что литература и право сосуществовали симбиотически ещё с одним явлением, присущим социуму, – религией, находя в последней и свои корни, и реализацию. Представляется необходимой оговорка о разнице религий и, следовательно, правовых и литературных фактов. Христианство, ислам, буддизм и т.д. при всей схожести несут в себе явные различия; но рубаи не похожи на хокку, сонет отличается от частушки, хотя все они относятся к поэзии; многие правовые реалии разных стран, восходя к единому началу, несут в себе яркую дифференциацию: так, отметим, распространённое на Ближнем Востоке наказание, дожившее до нашего времени, – побитие камнями, – не встречается в других регионах, возможно, именно из-за дефицита орудия наказания в лесной местности (здесь трудно не сделать реверанс в сторону знаменитого положения материализма: бытие определяет сознание; впрочем, нечто подобное звучит и у Л. Н. Гумилёва, видевшего «взаимосвязь между вмещающим ландшафтом и исторической жизнью этноса» [1, с. 8]). Отвлекаясь от идеи сравни-

тельно-сопоставительного анализа различных конфессиональных начал в литературе и праве, ограничимся традициями христианства.

Библия являет собой тот источник, с которым спорят или с которым соглашаются все остальные более поздние книги христианской культуры. И Библия трудно определима с жанровой точки зрения: в своём единстве она полижанрова, полиголосна, полисофична. «Песнь песней» резко отличается от Заповедей Господних при сохранении несомненной связи. Наверное, те же слова можно сказать и о праве с литературой.

При всём множестве определений Библию можно назвать и историей конфликтов. Право не может возникнуть вне конфликта – реального или предполагаемого. Конфликт в литературе (оговоримся: в *сюжетной* литературе) – неотъемлемая движущая сила развития сюжета. Возвращаясь к Библии, отметим, что конфликты в ней зачастую имеют своё разрешение в преступлении, имеют форму преступления, т.е. понятия, на котором возникло право и которому посвящена весьма весомая часть литературы (вспомним хотя бы детектив). Обычно первым преступлением, отмеченным в Библии, считают братоубийство Каином Авеля; хотя, скорее, к нему надо отнести нарушение Адамом запрета Всевышнего вкусить плод дерева познания добра и зла. Кстати, запрет сформулирован едва ли не по юридическим канонам: чётко выделяется *диспозиция*: «И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, А от дерева познания добра и зла, не ешь от него» и *санкция*: «ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрёшь» (*Быт 2:16–17*). Этот первый конфликт, это исходное грехопадение весьма любопытно именно с точки зрения права: о запрете был информирован лишь Адам – Ева создана позднее, никаких запретов Бог до неё не доводил, но... из рая изгнаны оба (незнание закона не освобождает от ответственности?). Претензии к Адаму представляются напрасными: да, не сказал супруге о запрете, но сама формулировка запрета предусматривает его жёсткую индивидуализацию: «*не ешь*». Кроме того, будучи ещё не в состоянии отличить добро от зла, новоиспечённый муж, естественно, не может и предвидеть последствий своего действия или (опять юридическая формулировка!) бездействия. Неисповедимы пути Господни, но, если бы речь не шла о Всевышнем, Ева, скорее всего, была бы оправдана, а кого-то могли бы обвинить в обмане. Есть, правда, один нюанс: «и будут *двое* одна плоть» (*Быт 2:24*), но здесь мы уже уходим безвозвратно в тонкости юриспруденции...

О социуме... Выше было оговорено, что вне социума преступление невозможно. А можно ли считать социумом, как ни кощунственно это прозвучит, пару Бог – Адам? Сомнительно, ибо невероятно разный уровень, и, если не принимать эту разницу во внимание, можно отнести к компании первочеловека «всех животных полевых и всех птиц небесных» (*Быт 2:19*).

Итак, пока Адам был один, т.е. вне социума, он был безгрешен. При социуме минимального уровня – семье – возникают необходимые условия для преступления, добавляется провоцирующий фактор в образе змея – и оглашается первый в истории человечества приговор. Обратим внимание: и грехопадение первочеловека, и убийство Авеля неразрывно связаны с семьёй, т.е. исходный конфликт зарождается и кроется именно в этом микросоциуме, а как

уже отмечено выше, социум является необходимым условием конфликта. Иными словами, истоки конфликтов и во многом степень конфликтности с установленным правопорядком закладываются во многом изначально – в семье, первом уровне социума.

В своём вердикте Бог достаточно чётко определяет положение, которое вошло в систематику права не только дореволюционной России, но и большинства стран христианской культуры (вообще-то это положение было распространено почти повсеместно, но, как уже говорилось, ставим ограничителями рамки христианства): «И он будет господствовать над тобою» (*Быт* 3:16). Он – подразумевается Адам, мужчина. И эти слова из Ветхого Завета фактически стали юридической нормой. Вспомним правовое положение женщин до начала XX в. Как статус семьи отразился в литературе?

Чтобы не взваливать на себя задачу сотворения нового эпоса, ограничимся прозой А. С. Пушкина. Писатель, естественно, никогда не являлся правоведом и не причислял себя к «крапивному племени», но, если внимательно вчитаться в его творения, на их страницах мы найдём не только отражение правовых реалий того времени, но и взгляды самого классика на право. «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений», – читаем в «Капитанской дочке» [4, с. 270]. Да, слова принадлежат главному герою, но это и слова самого Пушкина, отражение его философии права. В «Записках молодого человека» автор упоминает о «законе естественного возмездия» [4, с. 344] с долей юмора, но и с явным согласием.

С точки зрения семейного права, наибольший интерес представляет сравнительно небольшое «Начало автобиографии» – текст, отражающий реальную жизнь, факты действительности далёкого от нас времени: «Дед мой был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урождённая Воейкова, умерла на соломе, заключённая им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на чёрном дворе» [4, с. 420]. Ни о каком наказании за самоуправство и преступление в дальнейшем не говорится, из чего напрашивается вывод, что описываемое не являлось очень уж большой редкостью в семьях русских дворян. Отметим, что положение наёмного учителя – человека, принятого в семью, живущего в ней и в какой-то степени являющегося её членом, – оказывается много бесправнее положения женщины: если жена деда Пушкина умерла в ужасных условиях, но всё-таки своей смертью (вряд ли поэт скрыл иную причину), то кончина француза – иностранного подданного – носит явно насильственный характер. О распространённости данного положения вещей говорит опять-таки француз – наёмный учитель – в «Дубровском», упоминая своего будущего хозяина – Троекурова: «С учителями <...> он не церемонится и уже двоих засёк до смерти» [4, с. 166].

«В семейственной жизни прадед мой Ганнибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развёлся и принудил её постричься в Тихвинском монастыре...» [4, с. 22]. Отметим, что Пушкин упоминает весьма и весьма редкое для своего времени (не говоря уже о более раннем) событие – развод.

Во времена А. С. Пушкина основным регулятором семейных отношений было церковное право, а основным законодательным документом была «Кормчая книга» – сборник греко-римских законов, постановлений вселенских соборов и мнений авторитетных лиц церкви [2]. В другом весьма авторитетном регуляторе семейных отношений – «Актах Земских соборов» – утверждалось, что «по правилу святых апостол и святых отец жены с мужем разводить не велено» [5, с. 218], но де-факто институт развода в упоминаемое время существовал, хотя реализация его была связана с невероятными трудностями.

«Кормчая книга» приводит следующие причины развода: покушение или знание о покушении на жизнь другого супруга; неспособность одного из супругов к брачному сожитию (в истории права зафиксирован лишь один случай применения этого обоснования); вечная ссылка одного из супругов; прелюбодеяние [2]. Очевидно, именно последняя причина была доказана в упомянутом выше случае (была ли она истинна, остаётся вопросом) и послужила причиной развода. По церковным правилам виновная в разводе сторона несла наказание, одной из разновидностей которого являлась ссылка в монастырь. Иными словами, А. С. Пушкин, утверждая, что его дед «принудил» свою бывшую жену «постричься в Тихвинском монастыре» [4, с. 22], несколько утрирует нрав и возможности своего родственника, т.к. это было вне его власти: решение выносила церковь.

О другом деде, Осипе Абрамовиче, Пушкин пишет: «Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. <...> Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостью вмешалась в это дело. Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трёхлетняя её дочь...» [4, с. 423]. Опять упоминается развод! Причина его завуалирована, прямо не названа, дана полунамёком: «непостоянство мужа», иными словами, то же самое *доказанное* прелюбодеяние, упомянутое в «Кормчей книге», но теперь уже со стороны мужа. При признании брака недействительным невиновной стороне разрешалось новое супружество без каких-либо оговорок, но виновной стороной в этот раз в глазах церкви являлся дед Пушкина. Зачем ему понадобилось фальшивое свидетельство о смерти жены? На первый взгляд, причиной тому следующее положение права, упомянутое в «Воинском артикуле» (дед Пушкина был военный: «служил во флоте» [4, с. 423]): «Кто при живой жене своей на другой браком сочетается и тако две жены разом иметь будет, онаго судить по церковным правилам» [3, с. 372]. Возможно, именно нечёткая формулировка закона послужила причиной проступка Осипа Абрамовича, хотя в законе речь шла о двоеженстве. К сожалению, Пушкин не указал время, по истечении которого его дед вступил во второй брак, т.к. именно временной промежуток мог обусловить его действия: по «Стоглаву» при повторном браке назначалась двухгодичная епитимья (Стоглав, гл. XIX) [3, с. 289]. И ещё один факт, дающий представление о правовых нормах того времени и о статусе женщин: «бабушке моей возвращена трёхлетняя её дочь» [4, с. 423]; иными словами, при разводе дочь осталась при виновной в разводе стороне, но – при муже, при мужчине. Поскольку Пушкин никак не выделяет и

не комментирует этот факт, можно констатировать распространённость, обыденность данного положения в семейном праве того времени.

В «Станционном смотрителе», повести о трагедии «маленького человека», также можно найти и отголоски фактов семейного права того времени. Итак, гусарский офицер Минский увозит Дуню, дочь станционного смотрителя. Похищение людей никогда не приветствовалось законами Российской империи, следовательно, буква закона на стороне отца, и вместе с тем... «Приятель его советовал ему жаловаться; но смотритель подумал, махнул рукой и решился отступить» [4, с. 83]. Причина, очевидно, в реальном положении дел – в заведомо разном социальном уровне находящихся в конфликте, в разном социальном статусе. Нет сомнений, что расхождение между параграфом закона и его реализацией не только существовало, но и было широко известно (что нашло отражение и в «Дубровском»), поэтому маленький человек, не чувствуя за собой силы, «решился отступить». «Станционный смотритель» является образным правовым документом семейного права того времени, когда у родителей меньше прав, чем у «сильного» человека, за которым стоит государство. Вспомним устойчивое мнение, что сильный всегда прав. Что же касается самой криминальности факта похищения, то здесь позиция Пушкина все-таки не настолько однозначна: сомнения вызывает небольшой набросок с говорящим названием: «Участь моя решена. Я женюсь...», где читаем: «Мне нравится обычай какого-то древнего народа: жених тайно похищал свою невесту. На другой день представлял уже он её городским сплетницам как свою супругу. У нас приуготовляют к семейному счастью печатными объявлениями, подарками, известными всему городу, форменными письмами, визитами, словом сказать, соблазнами всякого рода...» [4, с. 347]. Отметим слово «обычай». Обычай – то, что обычно предшествует кодифицированному закону и не вызывает отторжения у большинства.

Норма семейного права лежит в основе одной из «Повестей покойного Ивана Андреевича Белкина» – «Метели». Не будь этой нормы – не было бы интриги сюжета. Вскользь упомянем религиозный базис данного положения права: мусульманину необходимо объяснить, почему Бурмин, признавшийся в пылких чувствах Марье Гавриловне, не торопится делать ей предложение лишь потому, что он женат – всего единожды! В сравнительно небольшом объёме повести читатель неоднократно столкнётся с правовыми нормами института брака Российской империи начала XIX в. В начале повести преградой семейному счастью героев стала «воля жестоких родителей» [4, с. 60]. Этот эвфемизм не являет собой тайны для современников Пушкина и несколько загадочен даже для XX в., не говоря уже о XXI. А объясняется он так: каноническим условием для заключения брака было предварительное согласие родителей жениха и невесты: «во властиию родителей суть совокупляющемся браку» [2]. О родителях влюблённого Владимира Николаевича Пушкин ничего не упоминает – читатель, очевидно, догадывается, что они уже никак не могут повлиять на судьбу своего сына ввиду естественного хода событий, и определение «жестоких» относится к родителям Марьи Гавриловны, которые не желали, чтобы у их дочери, считавшейся «богатой невестою», был муж – «бедный армейский прапорщик» [4, с. 59]. «Два пылающие сердца» приходят к

мысли «венчаться тайно, скрываться несколько времени, броситься потом к ногам родителей...» [4, с. 60] – очень скоро нам понадобится продолжение этой фразы. Отметим: эта счастливая мысль не сразу и не одновременно зарождается в умах наших героев и для её воплощения требуется немало времени: «Наступила зима и прекратила их свидания» [4, с. 60]. Тайное венчание (тогда существовал только церковный брак) не является изобретением наших героев, но отношение к нему и церкви, и общества было, мягко говоря, прохладным. Сам А. С. Пушкин это отношение передаёт так (идёт обещанное выше продолжение фразы): «...которые конечно будут тронуты наконец героическим постоянством и несчастьем любовников и скажут им непременно: Дети! придите в наши объятия» [4, с. 60]. Обратим внимание на слово «любовники». Пушкин выбирает именно его, не боясь быть непонятым современниками: как же любовники, когда венчаны! Иными словами, соблюдение формы закона не приводило к его действительности при отсутствии определённых необходимых условий – в данном случае родительского благословения. И приход в «объятия» родителей означает одно: их согласие, пусть задним числом, на брак и, соответственно, признание его законным, т.е. полноценным, действительным.

При бегстве Марии Гавриловны «ветер дул навстречу, как будто сила остановить молодую преступницу» [4, с. 61]. Вряд ли автор «Метели» использовал последнее слово с иронией: два предложения находятся во взаимосвязи, первое являет собой констатацию факта, и естественнее будет предположить, что перед нами выражение отношения Пушкина к происходящему, к героине, чем искать в этих словах какое-то скрытое иносказание. О неприятии тайного венчания говорят и следующие строки: Владимир «был у жадринского священника; насилиу с ним уговорился» [4, с. 61]. Пушкин не акцентирует внимание читателя на обстоятельствах торга, возможно, и из боязни цензуры, но нетрудно догадаться, что «насилиу» – это явно немало, тем более для «бедного армейского прапорщика» [4, с. 59]. Кажется противоречащим вышесказанному тот факт, что, когда Владимир «поехал искать свидетелей между соседними помещиками», «первый, к кому явился он, отставной сорокалетний корнет Дравин, согласился с охотою» [4, с. 93, 61]. Первый же согласился на не совсем законное дело! Что ж, это доказательство того, что влюблённый не всегда теряет голову от любви: Владимир обратился за помощью не к штатскому, а к своему собрату – военному, пусть и отставному, т.е. решил опереться, пользуясь современными оборотами речи, на корпоративную солидарность. И не прогадал. Сама противопоставленность по стезе карьеры, само деление служащего дворянского люда на две касты – гражданскую и военную – приводило к противостоянию и соперничеству, к делению на «своих и чужих». Дравин – отставной гусар – рассматривает предстоящее ему как «приключение», как «гусарские проказы», уверяет Владимира, что «за другими двумя свидетелями дело не станет» [4, с. 61], и кандидаты в свидетели явились весьма скоро: «землемер Шмит в усах и шпорах и сын капитан-исправника, мальчик лет шестнадцати, недавно поступивший в уланы» [4, с. 61–62]. Если по поводу второго свидетеля вопросы, кажется, не возникают, то причём здесь представитель сугубо штатского ведомства – землемер. Ответ, очевидно, кроется в деталях – «в усах и шпорах» – аксессуарах военных, но не штатских. Если бы эта деталь

была привычной для всех землемеров Российской империи, вряд ли бы Пушкин заострил на ней внимание читателя. Вероятно, перед нами штатский, мечтающий о военной карьере, недоступной ему по тем или иным причинам, и, соответственно, стремящийся быть более военным, чем они сами.

Обратим внимание, что Владимир, насколько возможно, хочет соблюсти букву закона – формальную сторону венчания: об обряде он договаривается со священником села Жадрино, где была церковь. Причём тут эта деталь? Закон запрещал венчать в часовнях и других местах, жёстко оговаривая действительность брака только при венчании в церкви. Также Владимир, разыскивая свидетелей, стремится соблюсти ещё одно положение права того времени: «Никто же втайне да не венчается, но при множайших людях» [2].

Нельзя пройти мимо ещё одного положения закона, отмеченного А. С. Пушкиным и во многом определившего развитие сюжета некоторых его произведений, – действительности заключённого брака. В «Метели» брак, заключённый с нарушением нормы права (тайно, без родительского благословения, без документального оформления – записи в церковных документах), всё равно безоговорочно признаётся действительным Владимиром и Бурминым и, с некоторыми оговорками, Марьей Гавриловной. Более того, Владимир, получив «неожиданное счастье: согласие на брак» [4, с. 64], даже не помышлял о том, чтобы признать заключённый ошибочно брак недействительным, «и просил забыть о несчастном, для которого смерть остаётся единою надеждой» [4, с. 65]. То же самое положение права обыгрывается А. С. Пушкиным и в «Дубровском», где на доводы главного героя (кстати, тоже Владимира): «Вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...» [4, с. 187], – героиня (кстати, тоже Мария) отвечает: «Я согласилась, я дала клятву <...> Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно» [4, с. 187].

В заключение приведём ещё одну цитату из А. С. Пушкина (вспомним Ветхий Завет и обратим особое внимание на последнюю фразу): «Не смешно ли почитать женщин, которые так часто поражают нас быстротою понятия и тонкостью чувства и разума, существами низшими в сравнении с нами? Это особенно странно в России, где царствовала Екатерина II и где женщины вообще более просвещены, более читают, более следуют за европейским ходом вещей, нежели мы, гордые бог ведает почему» [4, с. 425].

Список литературы

1. Гумилёв, Л. Н. Из истории Евразии [Текст] / Л. Н. Гумилёв. – М. : Искусство, 1993. – 79 с.
2. Кормчая книга [Электронный ресурс] : [Электрон. книга]. – М. : Воскресение, 2011. – 1481 с. – Режим доступа: <http://kopajglubze.ucoz.ru/load/5>. – Дата обращения: 12.01.2012. – Загл. с экрана.
3. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. 1649–1825 гг. [Текст] : в 45 т. ; под ред. М. М. Сперанского. – СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. V (1713–1719 гг.). – 782 с.

4. Пушкин, А. С. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Проза [Текст] / А. С. Пушкин ; сост., примеч., учеб. материал Е. А. Яковлевой. – М. : Художественная литература, 1987. – 528 с.
5. Российское законодательство X–XX веков [Текст] : в 9 т. ; под общ. ред. О. И. Чистякова. – М. : Юридическая литература, 1984–1994. – Т. 3 : Акты Земских соборов. – 1985. – 512 с.

FAMILY IN A. S. PUSHKIN'S PROSE: ON WHOSE SIDE IS RIGHT

V. A. Zharov

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

Alexander Pushkin's prose is considered in legal perspective. Here's given the characteristic of the Russian classic views on issues of law, reflected in the analysis of Pushkin's works, the legal realities of the first third of the XIX century.

Keywords: *Russian literature, plot, institution of marriage and family law, A. S. Pushkin*

Об авторах:

ЖАРОВ Владимир Алексеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: vaz-0008@rambler.ru 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33.